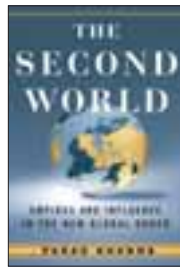

Новости из Тмутаракани

Гопал Балакришнан

PARAG KHANNA. *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order*. New York: Random House, 2008. 496 p¹.

После окончания холодной войны споры о дальнейшем развитии американского государства нередко порождались публикацией обзорных статей, где экспертами и прочими умниками, квартирующими на берегах Потомака, самым доступным языком излагались данные реконструкции геополитического театра военных действий. Девяностые годы, пожалуй, особенно благоприятствовали осмыслению текущих событий в морально устаревших исторических и цивилизационных категориях предшествующей имперской эпохи. Но несмотря на неоднократные попытки сформулировать «большую» стратегию для новой эры полицейских операций против террористов и тех, кто за ними стоит, проявившаяся после 11 сентября заикленность на «асимметричных» силах не слишком-то укладывалась в рамки прежнего жанра, согласно которому мировая история есть бесконечная борьба великих держав за *Lebensraum*² и престиж.

Классическая проблема геополитики начала XX столетия касалась ответа на вопрос, что придет на смену эпохе соперничества между Британией, Францией, Германией, Россией, Соединенными Штатами и, возможно, также Японией — объединение или же, наоборот, раскол капиталистической цивилизации на антагонистические имперские зоны. Актуальность этого вопроса определялась реальной возможностью того, что Ленин называл межимпериалистической войной. Вне контекста тогдашней эпохи сегодняшняя геополитическая риторика может рассматриваться всего лишь как еще одна — из многих — форм постмодернистского анахронизма. Подобные атавизмы сегодня стали типичной чертой нашей политико-идеологической конъюнктуры; они даже выработали свою собственную внеисторическую логику и в целом прижились. После трех десятилетий возрождения капитализма в духе *laissez-faire*, сопровождавшегося вовсе уж неожиданным возвращением фундаментализма, вряд ли у кого-то могли появиться серьезные сомнения в том, что сценарий «большой игры» может снова стать общим фоном международных отношений. Начавшийся в последнее время упадок веры Америки в собственные силы на фоне неудач во внешней политике и нарастающей нестабильности в экономике может вызвать новый

ГОПАЛ БАЛАКРИШНАН. News from Nowheresville. *New Left Review*. May–June 2008. No. 51. P. 143–153. Сокращенный перевод с английского Алексея Корнилова.

¹ Параг Ханна. Второй мир: империи и влияние при новом глобальном порядке.

² Жизненное пространство, место под солнцем. — Прим. перев.

всплеск публикаций, посвященных «рождению и смерти империй». Однако, несмотря на стагнацию и все непредвиденные последствия «крестового похода», рынок геополитических идей пока еще не готов к апокалиптике в духе Шпенглера и для начала ограничится очередным переизданием некоторых бестселлеров предыдущего десятилетия — вариаций на тему возвышения Китая, упадка России, будущего Евросоюза, и конечно же, долгожданного расширения Совета Безопасности ООН за счет Индии, Бразилии и Японии.

«Второй мир» Парага Ханна (которому *New York Times* обеспечила премию «Идея года») — одна из попыток (и таких, думается, будет еще немало) обрисовать контуры наступающей «постдостононней» эпохи в международных отношениях. Резюме этого молодого интеллектуала-политолога — просто образцовый набор высочайших академических и дипломатических достижений. Ханна — директор программы «Глобальное правление» в фонде «Новая Америка». В прошлом году он получил место старшего советника по геополитическим вопросам американского Управления сил специального назначения в Афганистане и Ираке. В 2000–2002 гг. Ханна работал в организации Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Женеве, где специализировался на разработке сценариев и планировании рисков. До этого он был научным сотрудником при Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Ханна родился в 1977 году в индийском Канпуре, закончил Джорджтаунский университет.

Итак, Ханна заявляет, что ближайшее будущее будет определяться развитием межимперских отношений в первом мире, а отнюдь не возвышением второго. Геополитическое ядро мировой системы состоит из Соединенных Штатов, Евросоюза и Китая, где каждая из сторон преследует свои цели, исходя из собственного, уникального дипломатического подхода, соответствующего одной из трех соперничающих концепций легитимности: американского принципа двусторонности и «добровольных коалиций»; прозрачных европейских критериев консенсуса и постепенности прогресса, а также учтливой, но мало понятной посторонним китайской традиции консультаций.

Конечно же, различия между режимами и идеологиями анализируются им по минимуму: «В мире наибольшей притягательной силой обладает не демократия, и не капитализм, и вообще не какой-либо иной „изм“, а успех». И действительно, эта азбучная истина служит автору путеводной нитью во всех его суждениях о судьбе народов в эпоху глобализации/геополитики. Что же тогда станет причиной конфликта в будущих битвах за мировое господство? Несмотря на то, что претендентов на него вроде бы трое, в книге даже намек нет на то, что Америка может когда-либо столкнуться с Евросоюзом. На самом деле Ханна постоянно заявляет, что США нуждаются в партнерстве с ЕС, дабы противостоять Китаю — этому восходящему солнцу тихоокеанской эпохи. Как бы в подтверждение долгосрочного характера единства Американско-европейской цивилизации, автор периодически отказывается от своей трехчленной модели первого мира в пользу откровенного противопоставления Запада и Китая.

Описания последнего, «хотя и не всегда однозначно негативные», время от времени сбиваются на рассуждения в духе «желтой опасности», которые родом совсем из другой эпохи. Политика «одна семья — один ребенок», говорит нам автор, вынуждает этих изобретательных людей искать себе жен за границей — воскряшая тем самым призрака расы «полукитайских ублюдков». Стремительный экономический рост страны с населением уже в миллиард с четвертью, вынуждает ее жителей захватывать все возможные природные ресурсы и заваливать незащищенные иностранные рынки своими товарами, расхищая и грабя все, что попадается на пути. Перед лицом этой орды торгашей, колонистов и госкапиталистов Запад, по мнению Ханна, теперь вполне может представить себя в качестве великодушного защитника интересов постколониального мира.

Поскольку между США и ЕС нет подлинного геополитического противостояния, возможно, полагает Ханна, когда Китай станет настолько

богатым, чтобы позволить себе демократию — году эдак в 2050 — он также войдет в сообщество умиротворенных империй, и на этом эпоха геополитики закончится. Однако до тех пор, предупреждает нас автор, мы в любой момент можем погрузиться во тьму, поскольку не за горами уже новая эра мировых войн — порожденных некими загадочными, но непримиримыми противоречиями: «Что может предотвратить Третью мировую войну — и есть ли вообще такое средство — в мире, где сверхдержавы столь радикально отличаются друг от друга мировоззрением, мотивациями и средствами принуждения, которыми располагают?»

И вот различные страны второго мира как раз и должны стать главными призами в грядущей борьбе между империями за сферы влияния. Однако даже это утверждение как-то судорожно развивается на протяжении основной части повествования, постепенно принимающего характер многословных и бессвязных «записок путешественника», который только тем и занят, что бьет тревогу при малейших признаках «китайского следа». О том, что он подразумевает под «вторым миром», и почему без его анализа невозможно понять ключевые процессы, определяющие облик нашей эпохи, Ханна рассказывает в рекламной аннотации к своей книге:

Раньше так называли страны социалистического лагеря. Сегодня я обозначаю этим термином государства Восточной Европы и Средней Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии: богатые и бедные, высокоразвитые и отсталые, ультрасовременные и архаичные, космополитичные и трайбалистские. И все это — в одно и то же время.

Страны второго мира выделяются по двум критериям: экономически — как входящие в группу стран с ВВП на душу населения от 3 до 6 тысяч долларов; геополитически же они определяются как «темные лошадки», чье значение станет понятно, когда они примкнут к одной из империй первого мира, определив тем самым соотношение сил между последними. Ханна долго мучает читателей воспоминаниями о своей одиссее по сорока таким «второразрядным» странам. Там он, по-видимому, успел пообщаться

с огромным числом местных жителей, однако все их рассказы заканчиваются примерно одним и тем же:

«Иностранцы, арабы из других стран и даже мы, египтяне, — все теряем-ся здесь, в Каире», — такой афоризм произнес торговец чаем в Старом городе.

И книга полна подобных «афоризмов». Время от времени монотонное бубнение «серьезного» туриста нарушается «развесистой клюквой» в стиле «Непутевых заметок»:

Сегодня Бейрут не имеет себе равных в арабском мире в качестве города контрастов. Он соединяет в себе элегантность Стамбула¹ с обшарпанностью Танжера и все еще обещает оправдать изначальное значение слова «Левант» («восход») — места, где люди всех вероисповеданий собрались вместе, чтобы процветать в мирном сосуществовании.

К. Н. Редько. Материнство. 1922–[1925] (Ргали)

Путешествие начинается в России, главном государстве — «темной лошадке», которым правит связка Кремля и Газпрома. Ханна питает мало надежд относительно этой некогда великой страны, которая сегодня стремительно катится вниз. Растущие цены на нефть благоприятствуют спазмам русского национализма и толкают Москву на самоубийственный путь союза с Китаем, чьи не в меру расплывшиеся подданные только и ждут, чтобы колонизовать бескрайние сибирские просторы. Членство России в Шанхайской организации сотрудничества, завязанной предположительно на Китай — совместном проекте по обеспечению безопасности, направленном против среднеазиатских террористов и сепаратистов, но до сих пор существующем преимущественно на бумаге — это лишь прелюдия к более непосредственному вассалитету. И только союз с Западом, «уверенно наступающим на других ее оголенных флангах», может спасти Москву от этого тягостного ига. В «большой игре», ведущейся на просторах постсоветского «ближнего зарубежья», Россия просто бестолково суетится, стараясь отсрочить неизбежные «шах и мат», или, если подпустить еще метафору: «Каждые 5 лет начинаются разговоры про новый „железный занавес“, но каждый раз Европа обрушивает его своей рукой в бархатной перчатке».

Для Ханны именно ЕС с его прозрачными критериями ранжирования стран в зависимости от их поведения, а отнюдь не США, всегда склонные поддерживать одну из сторон конфликта, играют роль цивилизующей силы. Конечно, можно сказать, что на самом деле вопрос о том, кому быть, а кому не быть в Европе, решается в Вашингтоне, так как именно там определяются условия членства в НАТО. При таком двойственном подходе даже олигархическая Украина может сегодня претендовать на почетный «европейский» статус, потому что будучи слишком большой и бедной для полноценного членства в Евросою-

зе, она по крайней мере достаточно дистанцирована от России и может надеяться на скорейшее включение в Атлантический порядок. Но даже следуя этой гибкой методе, иногда трудно определить, кто относится к настоящим европейцам, а кто — нет. Румыния и Болгария хотя технически и «находятся в Европе, но на самом деле они — часть третьего мира». (Хотя в смысле дохода на душу населения ни та, ни другая не слишком отстали от Китая, из первого мира.) Албания — та вообще превратилась из сталинистского болота в «воплощение европейского прогресса». То же и с Турцией, которая остается «лучшим образцом того, как ислам и современность могут не только сосуществовать, но и процветать». Будучи — опять-таки — слишком большой и бедной, чтобы стать частью Европы, она тем не менее может рассчитывать на почетный, полувосточный статус — быть может, лучший, чем тот, которым пользовалась ее предшественница, Османская империя.

Добравшись до кавказского этапа своего путешествия, Ханна отбрасывает фиговый листок европейской благовопитанности и переходит к суровым фактам геополитической реальности. Здесь постулаты «политики силы» озвучиваются со всей недвусмысленностью: «Ради обеспечения новых нефтяных артерий, тянущихся на Запад из Средней Азии и от Каспийского моря, оправданы любые меры, кроме разве что колонизации постсоветских микространств Грузии, Армении и Азербайджана, у которых в противном случае нет никаких шансов». Далее следует рассуждение в том духе, в каком прежде было принято говорить о Конго: «Кавказ — это там, где начинается не-Запад». Однако для Ханны Запад — даже на дальних рубежах, где обычно сколачивают первоначальный капитал, — это, с некоторой долей условности, всегда благородный защитник, потому что если он достаточно агрессивно устремится в этот заброшенный коридор, то по крайней мере некоторые избранные регионы смогли бы выкарабкаться из окружающего абсолютного убожества. С другой стороны, если кавказские правители не подпишутся под щедрыми условиями, которые им предлагают местные агенты Запада, то даже эти экстерриториальные анклавные смот грядущий китайский потоп.

¹ Стамбул никогда не был «арабским» городом. — Прим. перев.

Несмотря на свою древнюю христианскую традицию и недавнюю «революцию роз», Грузия, у которой нет ни своей нефти, ни газа, никогда не станет частью Европы, тогда как тюркский нефтяной «эмират» — Азербайджан — по чьей территории региональный трубопровод обходит как Иран, так и Россию, «уже стал частью Европы». Трудно сказать, рассматривает ли Ханна Россию на Кавказе как независимую геополитическую силу или же — допустим и такое — в качестве агента прокитайской ШОС. В любом случае предлагаемая им трехчленная модель мира не очень-то подходит для объяснения конфликта имперского Запада с различными претендентами на роль региональных гегемонов из числа стран второго мира. Однако трудности с классификацией отнюдь не мешают Ханне всякий раз, когда речь идет об источниках нефти и газа для Америки и Европы, делать вполне предсказуемые выводы. Запад должен сказать свое веское слово в ситуации с Абхазией, Южной Осетией и Нагорным Карабахом, «дабы положить конец непрошеному вмешательству России и Ирана».

Следующую остановку мы делаем в Средней Азии — землях, через которые некогда пролегал Великий шелковый путь, тянувшийся от Каспийского моря до монгольских степей и «от Сибири до Аравийского моря». Все страны региона — «...Станы», как их принято называть в кругах, в которых вращается Ханна, — кроме одной, являются членами ШОС — и значит потенциальными китайскими вассалами — хотя некоторые из них в то же время предоставляют свою территорию под американские военные базы. По мнению Ханны именно здесь решится спор между Западом и Китаем за контроль над внутренними районами Евразии — «географической осью мировой истории». Жемчужиной среднеазиатской короны является Казахстан, трофей чуть ли не Саудовских масштабов — ведь его энергоресурсы оцениваются где-то в районе 9 триллионов долларов. Правящий в этом каспийском Эльдorado просвещенный «кормчий» Нурсултан Назарбаев привел свою страну в тихую гавань мира и процветания. При этом он покладисто придерживается политики открытых дверей, где «счастье — это когда трубы идут во всех направлениях». Для Ханны трудно найти лучший образец страны второго мира: «Казахстан

имеет возможности для самореализации, о которых большинство других стран второго мира может только мечтать; благодаря социальной и политической стабильности эта страна стала лучшей ставкой для себя самой». Мудро решив отказаться от своего постсоветского ядерного арсенала и поддерживая дружеские отношения со всеми внешними силами, сговорчивый Казахстан — это то, чем могла бы стать Россия, откажись она от своих ничем не подкрепленных обманчивых геополитических мечтаний и согласись на статус страны второго мира.

Что касается отсталых деспотий — Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, — мало что способных предложить на рынке нефти и газа, то о них и говорить-то особенно не стоит. Они так и останутся не слишком надежными вассалами — одинаково и для Запада, и для Востока.

Успех — это, безусловно, самая привлекательная идеология в мире. И с этой точки зрения, едва ли не вся Средняя Азия — за исключением разве пары-тройки «крутых» кварталов в Астане — предстает одной большой мусорной кучей, «Чуркестаном». Туда же с легкой руки Ханны отправляются и Афганистан с Пакистаном. Хочешь не хочешь, но Афганистан уже вот-вот вырвется из рук у ослабевшего Запада. Опортунистический и все более ненадежный в качестве союзника Пакистан, возможно, также придется «уступить». Но хотя Средняя Азия с ее опереточными режимами и служит рассадником исламских радикалов, не они, а Китай — ну, конечно! кто же еще? — готов заполнить неизбежный вакуум власти в регионе.

Забыв ненадолго про имперские разборки в Старом Свете, автор позволяет себе приятную экскурсию по странам Латинской Америки. Нимало не сомневаясь, что Западное полушарие — всецело их епархия, Соединенные Штаты слишком долго воспринимали свое господство в маргинальных с точки зрения геополитики районах к югу от Рио-Гранде как данность. В последующих главах Ханна, размышляя над списком достижений американского империализма, периодически выказывает беспристрастность к идеям слева и даже позволяет себе приписать некоторую... э-э-э отсталость региона «развитию недоразвитости». В конце концов, одна из задач книги состоит в том, чтобы избавить тех, кто формирует политику США, от иллюзий в духе «Предначертания судьбы»¹. Однако, стоит ли говорить, что при этом любые реальные попытки бросить вызов американскому господству в регионе резко осуждаются. Итак, Ханна берется определить, кто победил и кто проиграл в великой саге глобализации, и в то же время периодически напоминает читателю об угрозе, которую таят в себе китайские подарки, подносимые латиносам.

¹ Понятие, введенное в американский политический лексикон демократом Джоном О'Салливаном в 1845 году в статье «Аннексия» и обозначавшее первоначально «естественное» право США на территориальную экспансию. Впоследствии «Предначертание судьбы» стало пониматься как особая цивилизаторская миссия США в Западном полушарии и во всем мире. — Прим. перев.

Тем не менее, только в этом регионе Ханна предвидит появление независимого второго мира — в отличие от Старого Света, где второразрядные страны могут максимум рассчитывать на то, чтобы склонить баланс сил в пользу той или иной империи. Кто станет во главе нарождающегося блока? НАФТА слишком тесно привязала Мексику к США, и в любом случае — мексиканская экономика гибнет, не выдерживая китайской конкуренции. Понятно, что боливарианская Венесуэла, которая прямо провозглашает своей целью создать подобный блок, сбрасывается со счетов. Описание Каракаса, выдержанное Ханной в самых мрачных красках — город-де так и бурлит от нищеты и недовольства — кажется даже немного комичным, когда автор пытается объяснить, почему Чавеса последовательно переизбирают:

Очаровательный и безответственный, Чавес умело воздействовал на эти несчастные массы, которые не требуют отчета ни в том, как ими управляют, ни куда идут доходы от нефти, так как не осознают, что государство и все его ресурсы в конечном итоге принадлежат им.

Далее Ханна поясняет, что «в отличие от Казахстана, где права собственности были распространены широко, а нефтяные богатства использовались для поощрения частной инициативы», в Венесуэле нефтедоллары растрачиваются на социалку — в пользу самых бедных и малообразованных. Проводя историческую параллель, достойную первой премии за безграмотность, Ханна завершает главу предположением, что сегодня Венесуэла напоминает Иран перед свержением шаха: «Нефтяные доходы, неравенство и бесправие — классическая революционная ситуация».

В ужасе покинув это богом проклятое место, Ханна прибывает в Колумбию. Фигура ее бравого руководителя подвигла автора на льстивое, но фактически неверное утверждение, что после выборов 2006 года Урибе — якобы первый национальный лидер в странах Андской группы, переизбранный на второй срок со времен Симона Боливара. Бушующий же хаос, где на содержании у латифундистов действуют эскадроны смерти и американцами с самолетов опрыскиваются дефолиантами посадки коки, подытоживается удобным клише, что-де «построение государственности идет рука об руку с успехами в войне против наркотиков». По крайней мере, пишет Ханна, улицы Боготы безопаснее, чем в Каракасе — правда, не для журналистов или профсоюзных лидеров. Следуя коллективной мудрости официального Запада, он с видимым удовольствием прочит в региональные лидеры Латинской Америки неолиберальную Бразилию в обход боливарианской Венесуэлы. Не осмеливаясь нарушить солидарность с защитниками финансовых интересов Запада, Ханна объявляет аргентинцев нацией заносчивых вырожденцев, которые, приняв решение о дефолте по внешним долгам, лишили себя права на серьезное к себе отношение. Образцом же экономики для прочих стран континента, понятно, служит Чили. А тот факт, что ее ВВП в пересчете на душу населения примерно такой же, как в Аргентине, Ханна оставляет без внимания.

После краткой экскурсии по Западному полушарию путешествие сворачивает обратно, в геополитические дебри Старого Света. Итак, Ближний Восток: арена, где сталкиваются новый панарабизм, замешанный на туризме для богатых и мегамолах мирового уровня, с одной стороны, и исламский фундаментализм — с другой. И хотя местные режимы живут в страхе перед социальной катастрофой типа алжирской, Ханна предсказывает, что с приходом приливной волны глобализации различные формы исламизма либо утонут, либо научатся плавать. На периферии Аравийского полуострова — на берегах Персидского залива, англо-американское оружие защищает местные династии и племена как от Саудовской Аравии, так и от Ирана, позволяя Катару, Кувейту, ОАЭ и Бахрейну сорить деньгами и экспериментировать с офшорным капитализмом. Столицы арабского ренессанса Абу-Даби и Дубай — это покрытые позолотой хрупкие восточные антиутопии, которые держатся на апартееде по отношению к азиатским гастарбайтерам, влачащим полурабское существование. Ханна с его острым нюхом на успех только что не молится на Саудовское королевство. Вовремя смекнув, в чем состоят выгоды глобализации, оно управляется в соответствии с мудрым афоризмом: «Современность — это лишь миг, вера же — вечна». Правителей этой страны, еще не так давно объявлявшейся чуть ли не обреченной, Ханна избавляет от своих обычных зловещих предупреждений — мол, вам остается одно: приспособиться к новым условиям либо умереть. Он с трудом мирится с американским «по-детски безмятежным отношением» к Ирану и рекомендует Западу согласиться с ядерной программой Исламской Республики — реальностью неизбежной, хотя и неприятной — так как глобализация в конечном итоге положит конец тегеранскому режиму.

В странах нефтью не богатых Ханна, похоже, готов дать хорошую трепку или вовсе списать со счетов многих из тамошних правителей. Египет — это социальная бомба, готовая в любой момент взорваться. Израиль, государство, основанное на терроризме и сегодня им же постоянно провоцируемое, просто погибнет, если не приспособится к новым условиям. Сирия, оказывается, «больше похожа на Узбекистан, чем на чертог свободы». Ираку и появляться-то на карте не стоило: «Окончательное решение вопроса восточных провинций бывшей Османской империи никогда не будет полным, пока не погибнет Ирак, что также решает и курдскую проблему». Хотя Америка так и не смогла понять иракский народ, она исполняет всемирно-историческую задачу по ликвидации этого искусственного образования, по общему мнению бывшего некогда цитаделью национализма и разных левых движений. Остается только надеяться, что Ханна ошибается насчет «восточных османских провинций», и народ этой оккупированной и порабощенной страны сумеет прогнать последнего из «мировладельцев»-недоучек — так, чтобы тот едва успел вскочить в последний вертолет...

И вот кругосветное путешествие Ханны входит в завершающую фазу: автор начинает разведку того, что он считает началом новой гигантской Китайско-Тихоокеанской мировой системы. Происходит полный геополитический

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТИЛЬ ХАННЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ БЕСКОНЕЧНЫЙ ПОТОК КЛИШЕ, ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ, ЯКОБЫ ЖЕСТКИХ ОТКРОВЕНИЙ, А НА САМОМ ДЕЛЕ БАНАЛЬНОСТЕЙ И СКУЧНЫХ АНЕКДОТОВ

переворот: прежняя, завязанная на Америку система альянсов, в основе которой лежит контроль над Евразией через форпосты на Тихоокеанском побережье — «Японию, Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Австралию», — медленно возвращается к древней модели, когда эти окраинные государства платили дань имперскому центру в Китае. С ядерной Индией — «демократией для бедных», страной ужасающе бедных деревень и процветающих информационных технологий, с этой бывшей цитаделью Движения неприсоединения, — автор расправляется на двух страничках, объявив, что та должна либо принять стратегическое партнерство с Америкой, либо стать одним из подразделений новой «Сферы взаимного процветания»¹ с центром в Китае. (Еще две страницы Ханна посвящает Африке южнее Сахары, точнее — посягательствам новых китайских колонизаторов на Зимбабве и Судан.) Сварливого малайзийского премьера Махатхира он возносит до небес как прогрессивного лидера второго мира, ни в чем не уступающего сингапурскому доктору Ли, и как очередного передового мусульманина. Обширная Индонезия довольно неубедительно подается как страна, готовая рухнуть под ударами чудовищной исламской опасности — силы, которая в других частях книги характеризуется как политически малозначимая. Насквозь пораженная СПИДом пария — Бирма — изображается как образец китайского сателлита. Таиланд — это тоже не противник Китаю, так как давно уже демографически колонизируется ханьцами. Споры между Китаем и Вьетнамом по поводу Парасельских островов и Спратли будут обостряться, но до войны дело, скорее всего, не дойдет. После четверти века стремительного роста Китай неотвратимо возвращает себе место естественного центра Тихоокеанского *Grossraum*². Что могут сделать США — задается вопросом Ханна, — чтобы сдерживать эту поистине природную силу и не спровоцировать новый Перл-Харбор?

Хотя Ханна и утверждает, что свободно владеет хинди, французским, испанским и немецким, библиография «Второго мира» целиком состоит из книг и статей, написанных по-английски. Если не считать некоторого знакомства с классиками, кругозор автора в целом не выходит за узкие рамки, типичные для американской политологической литературы. Отражая, вероятно, культурные горизонты той космополитической среды, которая свила себе гнездо в нынешних «международных школах» и прочих политологических синекурах (тех, которые американцы едко величают «Евромусором»), литературный стиль Ханны представляет собой бесконечный поток клише, этнических стереотипов, якобы жестких откровений, а на самом деле банальностей и скучных анекдотов. Плод путешествий автора по 40 странам — «Второй мир» — доказательство тщеты его странствий.

Если основная идея книги не вполне очевидна, то предлагаемая в ней классификация стран по трем группам и вовсе непоследовательна. Геополитически первый мир включает Китай, который экономически относится уже ко второму миру, но в то же время только-только выкарабкивается из третьего. Согласно Ханне и Япония (экономически страна первого мира), и Россия (страна второго), и Индия (понятно, третьего) — все относятся ко второму

миру. Нетрудно догадаться, что это свидетельствует о несколько произвольном характере классификации. Связанные с этим разночтения лишь отчасти маскируются почти полным отсутствием статистики по ВВП, по динамике экономических и демографических показателей. Например, оценки величины китайской экономики варьируются очень значительно: утверждение, что она является второй в мире, основаны на недавно появившихся методах определения паритета покупательной способности. Этому можно противопоставить другую статистику, показывающую, что китайский ВВП лишь незначительно превосходит французский. Различия в методах приводят к огромной неопределенности относительно перспектив как мировой экономики, так и будущего распределения политических сил. В работе, формально посвященной геополитике, автор совершенно не приводит оценок ни военного потенциала стран, ни распространения тех видов оружия, которые могли бы ограничить возможности Запада для военного вмешательства — не говоря уже об остальном. Вся эта одиссея по странам второго мира разворачивается как смена впечатлений от общения с различными людьми, которые все говорят одними и теми же, как в плохом сценарии, общими местами. При этом частности подаются как откровения, ведь «страны — это те же люди».

Готова ли Америка к предстоящим ей испытаниям? В заключительных главах автор, чтобы потешить космополитов, пускается во все тяжкие, шельмуя Америку: автомобили-убийцы, развал системы здравоохранения, ожирение, оружие, Патриотический акт и то самое культурное невежество, которое предрекали Токвиль и Ницше. Одна только вульгарность американцев делает их непригодными для того, чтобы не дать колесам истории слишком быстро поворачиваться в сторону Востока. Но кто же может взвалить на себя это бремя? Ключ к решению проблемы — привлечение на свою сторону второго мира. И ради этого Соединенные Штаты должны инвестировать в «трансформационную дипломатию», которая будет опираться на совершенно новое поколение выпускников «международных школ». ■

ПАРАГ ХАННА — ДИРЕКТОР ПРОГРАММЫ «ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ» В ФОНДЕ «НОВАЯ АМЕРИКА»; В ПРОШЛОМ — СТАРШИЙ СОВЕТНИК ПО ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ АМЕРИКАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В АФГАНИСТАНЕ И ИРАКЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

Вот вам и второй мир. Между «богатым Севером» и «бедным Югом» // *Русский журнал: рабочие тетради*. Вып. 2. Лето 2008. С. 7–11.

¹ Название Японской империи и ее сателлитов в годы Второй мировой войны. — *Прим. перев.*

² Большое пространство. Термин германской школы геополитики первой половины XX века. — *Прим. перев.*

Боб Нир. Барак Обама для начинающих: всё о новом президенте США / с иллюстрациями Джо Ли

115x180 мм. — 108 с. ISBN 978-5-9739-0171-4

Книга американца Боба Нира — самый концентрированный набор достоверных фактов о новом президенте Соединенных Штатов Америки Бараке Обаме. В ней собраны и с юмором проиллюстрированы главные вехи головокружительной истории первого афроамериканца, которого мировой кризис и провал политики Джорджа Буша-младшего вознесли в кресло главы государства. Книга раскрывает тайны семьи и карьеры президента, сильные и слабые стороны его стиля политической игры, его зависимость от масс-медиа и обожания толпы. Ясно разобраны составляющие успеха Барака Обамы, а ироничные иллюстрации Джо Ли, свободные от «обамамани», оставляют русскому читателю право составить собственное мнение о новом главе Белого дома.

Максим Григорьев, Андрей Осинников. Нелегальные мигранты в Москве / предисловие Константина Крылова

145x200 мм. — 160 с. ISBN 978-5-9739-0166-0

Проблема нелегальной миграции характерна не только для России. Она актуальна сегодня для всех экономически развитых стран. А с усилением процессов глобализации и интеграции проблема становится общемировой. В данной книге предпринята попытка взглянуть на мир глазами нелегальных мигрантов, составить портрет среднестатистического нелегального мигранта в России, немножко ближе узнать его жизнь, определить основные причины, толкнувшие его на этот путь, а также узнать подробности об его образе жизни и условиях работы в России. В основе исследования лежат более 100 глубинных интервью с нелегальными мигрантами, живущими и работающими сегодня в России.

Юрий Шевцов. Новая идеология: голодомор / предисловие Глеба Павловского

145x200 мм. — 184 с. — (Холокост) ISBN 978-5-9739-169-1

Книга Юрия Шевцова разбирается в сложной и опасной истории, от 30- годов XX века до наших дней. Есть реальный массовый голод начала 30-х годов, часть страшной истории сталинского «раскулачивания» — то есть, раскрестьянивания Советской России. И есть (нацистский, в сущности) миф о Голодоморе, подстроенном якобы «москалями» ради истребления украинцев. Первыми коммунистов и евреев обвинили в искусственном голоде нацисты еще в 30-х годах. Но реальная история голода 30-х годов не имеет отношения к его современным полунацистским интерпретациям. Миф о голоде как целенаправленной политике советской власти стал обязательной частью восточно-европейского национализма, прежде всего — на Украине. Мифом о голоде современные националисты морально оправдывают коллаборантов и ревизию антифашистских оценок Второй мировой войны. Книга Юрия Шевцова описывает голод начала 30-х годов параллельно с разбором его современных идеологических интерпретаций. Книга может быть интересна студентам, преподавателям гуманитарных дисциплин, журналистам — всем, кто интересуется идеологическими войнами современности, русофобией и проектами нового геноцида в русле восточно-европейского национализма и конфликтов Запада и Востока.

Сценарии дальнейших вторжений США. Официальные документы Пентагона: Сборник / под. ред. Стивена Эллиотта

145x200 мм. — 104 с. ISBN 978-5-9739-160-8

При чтении текста у нормального, при этом не очень-то информированного человека поначалу не может не возникнуть подозрение, что это фальшивка, изготовленная ненавистниками США. Однако не только специалисты, но и просто внимательные читатели американских газет знают, что это лишь сконцентрированное, лишенное маскировки, изложение вполне реальной политической доктрины абсолютного американского гегемонизма. Вздор, вроде международного права — по боку! Мнение союзников по НАТО никого не интересует, разве что Израиль пригодится. Иран, Пакистан, Узбекистан, Сирию, Судан, Венесуэлу, Северную Корею — освободить и осчастливить любыми средствами. Мелочи тактики от страны к стране отличаются, но стратегия одна: сконструировать образ врага, подсчитать жалкие ресурсы сопротивления, победить и осчастливить. Некоторые из описанных в книге сценариев США уже начали воплощать в жизнь.

Максим Жаров, Тимофей Шевяков. Хроники информационной войны

160x180 мм. — 48 с. — (Войны) ISBN 978-5-9739-159-2

Сетевые войны всегда оставались внутрисредовой особенностью Интернета — и в реальной жизни не были никому интересны. Пятидневная война показала, что сеть является таким же фронтом, как и традиционные СМИ — причем фронтом куда более масштабным и оперативным. Август 2008 года стал точкой формирования виртуальной реальности конфликтов — и моментом осознания необходимости вести войну в том числе и на информационном поле. Книга адресована всем, кто хочет узнать, что представляла собой информационная война августа 2008 года.